

СМЕРШ —
спецназ Сталина

ЗАГОВОР ПРОТИВ СТАЛИНА

Александр Тамоников

Александр Александрович Тамоников

Заговор против Сталина

Серия «СМЕРШ – спецназ Сталина»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66114962

Заговор против Сталина: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-157430-7

Аннотация

Накануне войны раскрыт крупный заговор против Сталина. Многие его участники уничтожены. Но некоторым все-таки удалось скрыться. Среди них – бывший сотрудник разведки Резник. Где он теперь: бежал на Запад? Воюет на фронте? Найти и обезвредить беглеца поручено группе майора СМЕРШ Павла Романова. Но при переходе границы группа погибает. Сам майор попадает сначала в немецкий плен, а после побега – к французским партизанам. Там, в отряде, он случайно встречает Резника. Бывший заговорщик мужественно сражается с фашистами. Павел оказывается в сложном положении: ведь приказ на уничтожение перебежчика никто не отменял...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Александр Александрович Тамоников

Заговор против Сталина

© Тамоников А.А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

Некая важная персона прибыла в Ленинград 6 октября 43-го года. Кортёж из трех машин пронёсся по дороге, соединяющей секретный аэродром с городом, и растворился в лабиринтах разрушенных улиц.

Город наводнили советские войска. На всем протяжении трассы стояли зенитные батареи. Переулки и развилки контролировали усиленные посты. Кортёж пропускали без проверки – поступил соответствующий приказ. Прибытие в город на Неве важного лица обставили со всей секретностью. Гость рисковал.

Не сказать, что небо над областью полностью контролировала вражеская авиация, но вероятность нарваться на немецкие штурмовики сохранялась. Блокаду частично сняли еще в январе. 67-я и 2-я Ударные армии одновременно перешли в наступление, освободили Шлиссельбург и очистили от захватчиков все южное побережье Ладожского озера. Вдоль берега образовался коридор шириной в десять километров – восстановилась сухопутная связь с городом. За семнадцать суток под огнем проложили автомобильную и железную дороги, и они немедленно заработали. Все попытки противника вернуть контроль над ситуацией оканчивались неудачами. Наконец подошли резервы, коридор в ходе боев расширился, и осажденный город вздохнул свободно. Ленинград перехо-

дил к мирной жизни, всех желающих отправили в тыл. Противник ослабел, но пока еще не выдохся. Немцы укрепляли рубежи на южных подступах к городу, отражали атаки советских войск. Ленинград подвергался артиллерийским ударам, но их интенсивность слабела. И все же до полного снятия блокады оставались еще четыре долгих месяца...

Квартал, примыкающий к каналу Грибоедова, оцепили полностью – мышь не проскочит. В городе действовал комендантский час. Редких прохожих разворачивали, транспорт пускали объездными дорогами. Гости разместились в здании, где до войны работал райком комсомола. Квартал охраняла рота НКВД. Неизвестно, были ли в курсе происходящего военные и гражданские власти (скорее всего, были), но встречи с ними сократили до минимума. Это была рабочая поездка, преследовавшая сугубо деловые цели. С южных окраин города доносилась канонада, но здесь было тихо. В район канала давно не залетали мины и снаряды. Лунный свет озарял пробоины в зданиях и силуэты часовых.

Крытый брезентом грузовичок «ГАЗ-4» съехал с дороги и встал у бокового крыльца. Охраны было много, в лунном свете поблескивали автоматы «ППШ» с секторными магазинами. Водитель в третий раз предъявил документы. Лейтенант в фуражке с красным околышем заглянул в кузов – там сидели четверо. Он осветил их лица, задержался на бледном, резко очерченном женском лице. Барышня поморщилась, отвернулась от яркого света. Пассажиры носили офи-

церские шинели. Один был в звании майора, другой – капитаном, остальные же, включая женщину, являлись старшими лейтенантами.

– Ваши документы, товарищи, – сухо распорядился начальник охраны.

Он осмотрел предъявленные бумаги, сверил фото с лицами, снова задержался на женщине. Она была привлекательна, но лицо ее осунулось, а глаза поблекли от хронического недосыпания.

– Товарищ майор, пройдите в здание. Остальные остаются в машине. Соловьев, пропусти машину во двор, пусть там стоит.

Спорить было бесполезно. Лейтенанты, отягощенные инструкциями, – выше любого майора. Павел стал выбираться из машины.

– Бог в помощь, товарищ майор, – еле слышно прошептала Нина.

– Командир, все будет нормально, – выдохнул капитан Молчанов. – Хотя черт его разберет, что тут происходит...

– Прорвемся, товарищ майор, – вторил ему старший лейтенант Гриша Заречный. – Вы уж не посрамите там честь нашего ведомства!

Происходило нечто необычное. В вызове посреди ночи не было ничего странного, но чтобы развести такой туман секретности...

Майор прыгнул на землю, одернул шинель. Рослый, ру-

соволомый, плечистый, еще не успевший обрасти щетиной. Коллеги шутили: внешность представительная, полковничьи погоны на плечах смотрелись бы органично.

– Оружие сдайте, товарищ майор, – бросил начальник охраны. – И просим прощения – вас обыщут. Стандартная процедура. Шинель можете сдать дневальному в вестибюле.

Складывалось ощущение, что в Ленинград инкогнито прибыл сам Верховный главнокомандующий. Павел двинулся к крыльцу, часовой раскрыл перед ним дверь.

В холле было тихо. Здание райкома несколько лет не использовалось по назначению. Секретари, инструкторы и прочие сотрудники ушли защищать родной город. Выжили единицы. Райкомы партии и ВЛКСМ укрупняли, бюрократию сводили к минимуму. Здание фактически пустовало. Но в подвале работал дизельный генератор – урчал, словно спящий зверь. Глухо отдавались чьи-то шаги. Тени скользили в сумрачном пространстве.

Павел расстался с табельным «ТТ» и с верхней одеждой – в здании было на удивление тепло.

– Поднимитесь на второй этаж, товарищ майор, и ждите в коридоре, вас вызовут.

Ждать пришлось долго. Коридор освещал мутный свет. Он сидел на лавочке, придвинутой к стене. Конечности затекли, в голове витали беспокойные мысли. Он уже жалел, что не покурил перед отбытием – никотиновый голод ощущался все сильнее. Майор поднялся, прошелся, чтобы раз-

мять ноги. Часовой в глубине прохода напрягся, пришлось вернуться. Очевидно, важная персона прибыла не только по его душу (кому интересен обычный контрразведчик?).

Наконец вышел подтянутый военный с погонами подполковника и вежливо уточнил:

– Романов Павел Сергеевич?

– Так точно... – Он поднялся, пальцы машинально прижались к строчкам на галифе.

– Прошу. Вас ждут.

Меньше всего это смахивало на арест. Оснований не было (хотя когда это останавливало следственные органы?). Майор был в курсе происходивших в стране событий, но никогда не задумывался об их причинах и был послушным винтиком в отлаженной машине.

Он вошел в кабинет. Подполковник посторонился, закрыл дверь с обратной стороны. Кошки скребли на душе, чесалась лопатка. А до нее невозможно дотянуться ни с какой стороны.

– Проходите, майор, присаживайтесь, – прозвучал усталый голос.

Кабинет принадлежал человеку с положением. Мужчина сидел за широким столом и размашисто что-то писал в свете настольной лампы. Какое-то время спустя он вставил перьевую ручку в чернильницу и поднял голову.

В горле у майора пересохло. Он ненавидел подобное состояние, когда мечтаешь оказаться где-нибудь подальше: под

минометным обстрелом, под кинжальным огнем обозленных диверсантов. Впрочем, рога у представителя власти отсутствовали. Он был того же возраста, что и Романов, может, немного постарше, темноволос, имел небольшие залысины на лбу. Темные глаза разглядывали визави из-под густых бровей. Мужчину звали Виктор Семенович Абакумов, и он являлся бывшим начальником Управления особых отделов, а с апреля текущего года – начальником Главного управления контрразведки СМЕРШ, входящего в структуру наркомата обороны. Товарищ Абакумов подчинялся лично товарищу Сталину и считался непререкаемым авторитетом в узких кругах работников ведомства.

– Полагаю, вы меня узнали, майор? Представляться нет смысла?

– Никак нет, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга.

– Садитесь, майор, просил же...

Абакумов закрыл папку. Сверху положил другую, раскрыл ее. Стал читать, изредка поднимая глаза. Собственное личное дело Павел никогда не видел, так что выпала возможность полюбоваться. Он неподвижно сидел на стуле. Его удивление росло. В происходящем было что-то абсурдное – где он и где влиятельный глава всемогущего ведомства!

– Чаю хотите? – спросил Абакумов.

– Спасибо, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, воздержусь...

Павел закашлялся. Абакумов пожал плечами.

– Дело хозяйское. На нет, как говорится, и суда нет...

Абакумов слегка улыбнулся. Этот человек тоже мало спал, вел беспокойный образ жизни, питался от случая к случаю. Вряд ли он прибыл в Ленинград только лишь затем, чтобы встретиться с майором.

– Постараюсь вас не задерживать, быстро введу в курс дела. Итак. Вы Романов Павел Сергеевич, тысяча девятьсот девятого года рождения, уроженец Ленинграда... Тогда еще, разумеется, Петербурга. В Гражданской войне по понятным причинам не участвовали. С тысяча девятьсот двадцать девятого по тысяча девятьсот тридцать второй годы проходили срочную службу в РККА, потом поступили в только открывшийся в Москве институт по подготовке дипломатических и консульских работников, – Абакумов оторвал голову от текста и с любопытством воззрился на собеседника, – куда в те годы активно набирали выходцев из рабоче-крестьянской среды. Но вы ведь у нас из другой среды... – Абакумов замолчал, как бы предоставляя слово собеседнику.

– Да, это так, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. – Майор снова закашлялся, затем продолжил уже твердым голосом: – Я был единственным ребенком в семье. Отец и мать много лет провели на дипломатической службе. Отец работал с товарищем Воровским. В двадцать третьем году, когда Воровского убили в Лозанне, отец находился рядом с ним, он входил в число делегатов Лозанн-

ской конференции. Супруга Вацлава Вацлавича умерла от потрясения, моя мама до последнего находилась рядом с ней. Я еще был мал, понимал немного. Отец работал в дипмиссии в Германии – тогда еще в Веймарской республике. Мама трудилась секретарем в посольстве. Потом мы переехали в Прагу, затем в Лондон. Отец быстро продвигался по карьерной лестнице. В Лондоне я посещал советскую школу при посольстве. Когда мы вернулись в Союз, отец преподавал в институте и мама работала там же. Я поступил в институт под их давлением – не испытывал тяги к дипломатической службе. Прочился два года и... решил не продолжать. Но иностранные языки родители в меня вбили.

– Прошу прощения, какими языками вы владеете? – перебил майора Абакумов. – Здесь указаны немецкий, английский и французский.

– Так точно, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. С детства обладаю способностями к языкам. Английским и немецким владею в совершенстве, французским хуже, но изъясняться могу... Отчислившись из института, я окончил офицерское училище. Потом работал в Особом отделе НКВД по Ленинградскому округу. Позже окончил школу особого назначения НКВД и получил звание капитана... Родители, к сожалению, погибли в тридцать шестом году – поехали в отпуск в крымскую Ливадию, взяли лодку, чтобы покататься, и далеко заплыли. Внезапно начался сильный шторм, лодку унесло в море... Потом ее нашли,

перевернутую...

– Сочувствую, майор. Сергей Аркадьевич Романов – фигура известная в дипломатических кругах, преданно служил делу партии, был верным ленинцем. Но давайте про вас. С июня тысяча девятьсот сорок первого вы находились в действующей армии, служили в Особом отделе на Западном фронте, проявили себя с самой лучшей стороны. Когда в батальоне не осталось командиров, вы подняли людей и личным примером повели их на прорыв. Вы пробились через кольцо окружения и вывели сто человек. Впоследствии вас перевели на Ленинградский фронт, вы получили звание майора и возглавили Особый отдел стрелкового полка. Затем вас направили в город и бросили на борьбу со шпионами и диверсантами. У вас хороший послужной список, вы успешно выполнили все задания... Вы женаты? – вдруг задал Абакумов неожиданный вопрос.

– Никак нет, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. Так сложилось, что в данном направлении я успехов не добился.

– Ничего, за это не наказывают, – сухо рассмеялся Абакумов. – Семья – ячейка социалистического общества, но иногда ее лучше не иметь, чтобы потом не было мучительно больно... Как же так вышло, майор, с товарищем Нечаевым? – Абакумов иронично прищурился.

Холодок снова заструился по спине. Начальник Главного управления был дьявольски умен (иначе не сидел бы седы-

мой месяц в своем кресле), и невозможно было понять, что у него на уме. Абакумов вел себя подчеркнуто вежливо, интеллигентно.

С товарищем Нечаевым вчера произошел конфуз. Второй секретарь Василеостровского райкома партии, весьма шумный, бесцеремонный, в тяжелые блокадные зимы отсиживался в Костроме и появился в городе три месяца назад. С продуктами стало легче, интенсивность обстрелов снизилась в разы, отпала необходимость бороться с холодом в связи с началом летнего сезона. Вышли на него чисто случайно. Оперативный отдел отрабатывал шпионско-диверсионную группу, заброшенную в Ленинград в начале сентября. Ухватились за ниточку, выявили одного из фигурантов. Личность зафиксировали – фигурант проживал в коммунальной квартире на Васильевском острове. Военный, прибыл в командировку. В соседнюю квартиру, в пустовавшую комнату, подселили Нину Ушакову – полезно иметь в группе женщину. Она выдала себя за вдову героически павшего командира зенитчиков и проследила за фигурантом. Каково же было изумление оперативников, когда они обнаружили в парке товарища Нечаева вместе с упомянутым фигурантом! Сидели на лавочке и делали вид, что незнакомы. Нечаев что-то передал сообщнику – видимо, записку с ценными сведениями. В момент задержания фигурант покончил с собой, а Нечаев орал, как оглашенный. Грозился всех упечь, ссылался на связи и на свое положение в партии. Когда ему предъявили

лист бумаги с мелким текстом, стал орать пуще прежнего, что его подставляют, обещал принять решительные меры. В какой-то момент даже закралась мысль, уж не ошибка ли? Но товарища Нечаева стали раскручивать, и вскрылось такое, что у всех зашевелились волосы на голове. Первый секретарь райкома, просмотревший под носом такую гадину, попытался застрелиться, но пистолет дал осечку.

– Уверены, что поймали, кого нужно? – спросил Абакумов. – Увы, должность партийного секретаря не является залогом непогрешимости. Подобные дела следует расследовать с особой тщательностью, чтобы не очернять партию.

– Ошибки нет, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга. Нечаев свою вину признал. Немцы завербовали его четыре месяца назад. Всплыла история с родственником – директором сельского клуба, перешедшим на сторону врага. Этот факт Нечаев тщательно скрывал. Задержание не афишировали, взяли его в безлюдном месте.

– Хорошо, не буду вмешиваться в ваше расследование. Судя по всему, вы свою задачу выполнили. Передавайте дело в Следственный отдел... Вы удивлены, что находитесь в этом кабинете? Спешу убедить, это не тот случай, когда гора идет к Магомету. Мы могли бы вызвать вас в Москву, но потеряли бы тогда время – мы же все равно приехали по делам в Ленинград. Помните заговор Буревича?

Переход к вопросу случился резкий. Внешне майору удалось сохранить спокойствие, но холодок продолжал осваи-

вать позвоночник.

Тридцатые годы не забудешь. Тридцать седьмой выдался самым драматичным. В стране объявили кампанию по разоблачению заговорщиков, вредителей и шпионов, которых вдруг стало неприлично много во всех государственных структурах, в том числе и в вооруженных силах. Троцкистские, антисоветские заговоры сыпались как из рога изобилия. Увольнения комначсостава в РККА производились по приказам НКО СССР и военных округов. В тридцать седьмом это право предоставили также военным советам округов и флотов. За увольнением следовало задержание. Аресты осуществляли сотрудники Особого отдела НКВД. Павла Романова миновала эта чаша, за что он был премного благодарен судьбе, но посмотрелся этого вдоволь. В Приволжском военном округе, где он проходил службу, представителей начсостава брали через одного. Одних арестовывали прямо на работе, за другими приезжали домой, используя специальный транспорт.

С приходом в комиссариат товарища Берии волна накрыла сотрудников НКВД. Январский пленум ЦК ВКП (б) тридцать восьмого года принял постановление об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП (б), а также о мерах по устранению этих недостатков. Многие командиры вернулись из тюрем, были восстановлены в партии и на службе. Но теперь тряс-

ли НКВД, госбезопасность. Антисоветские заговоры тоже не отменили, но к их выявлению стали подходить строже и взвешеннее.

Командарм второго ранга Буревич был арестован в конце 1939 года, в разгар финской кампании. Вместе с ним попали под арест комкоры Котов и Пермьяк. Павел частично участвовал в расследовании этих дел и в результате изучения материалов и знакомства с фигурантами пришел к удивительному выводу: заговор не был сфабрикован!

Подавляющее большинство дел высасывали из пальца, хватали невинных, обвиняли в членстве в мифических сообществах. Кому понадобилось такое количество врагов? Зачем понадобились массовые расстрелы и миллионы заключенных? Люди даже не знали, за что сидят! Но, видимо, так было надо. Значит, был некий сокровенный смысл. Партия так решила, а она никогда не ошибается.

С делом Буревича все было иначе. Заговор существовал, в нем участвовали представители командования не самого высшего звена, но и не командиры батальонов. Главной целью заговора было сместить, а лучше – уничтожить товарища Сталина, «виновного во всех бедах, произошедших со страной» (голод, нищета, диктатура и тому подобный вздор). Заговорщики контактировали с представителями рейха, в недрах германского генералитета зрел аналогичный заговор с целью смещения фюрера. Заговорщики прекрасно спелись. Связи с Германией перед войной были устойчивыми,

страны активно обменивались товарами, сотрудничали в военной области (одно производство германской авиатехники под Липецком чего стоило). Но спецслужбы тоже неплохо поработали – оба заговора были раскрыты, зачинщики схвачены и примерно наказаны.

– Вижу по вашей реакции, что вы в теме, – подметил Абакумов. – Вы принимали участие в расследовании. Разрабатывали, если не ошибаюсь, комбрига Мухина, который в Брест-Литовске связался с представителями германской разведки. Но сейчас мы говорим не об этом. В сороковом году вы отошли от дела, Буревича и компанию разрабатывали другие. Заговор охватил не только военные структуры, но и гражданские и НКВД. Главные заговорщики дали признательные показания и получили по заслугам. Но нити заразы расползлись по стране. Мы отрубили голову, но не уничтожили чудовище целиком. Заговорщики были разбиты на ячейки, члены одной группы не знали, кто состоит в другой. Полные списки организации отсутствовали – по крайней мере, мы их не нашли. Взяли четырех командармов, трех комкоров и шестерых комбригов. Выявили их помощников, подручных и соучастников. Угрозу устранили, подонки не успели нанести вред стране. Связи с немецкими генералами тоже отработали. Все, что выяснили, передали германской стороне – увы, мы тогда дружили, – Абакумов смущенно кашлянул, – того требовала политическая конъюнктура... Центром подрывной деятельности на советской территории был

город Липецк, в Германии – Дрезден.

«Глядишь – и войны бы не случилось», – подумал Павел и устыдился своей мысли. Но его лицо оставалось непроницаемым. Абакумов пытливо смотрел ему в глаза.

– Часть фигурантов осталась невыявленной. Это беспокоит товарища Сталина. Где они сейчас? Избежали наказания и радостно потирают руки? Или воюют на фронтах, рядясь под преданных нашему делу людей? Вы должны понимать, насколько это опасно. Кропотливая работа по установлению истины продолжается. Допрошены сотни людей, сделаны определенные выводы. Установлен человек, который, вероятно, владеет полными сведениями об участниках заговора. Его не взяли в первую волну, а когда установили причастность, было уже поздно. Его имя – Резник Андрей Борисович, сейчас ему сорок пять лет. Работал в ГПУ, потом в НКВД, имел отношение к внешней разведке, обладает правительственными наградами за успехи на службе. Когда узнали, что он участник заговора, крайне удивились. Но это проверенный, задокументированный, так сказать, факт. Когда по преступникам нанесли сокрушительный удар, Резник пропал. Его искали, но тщетно. Арестовали его бывшую жену, с которой он развелся семь лет назад, протрясли всех его знакомых и друзей. Результат отсутствовал. Имелись сведения, что Резник бежал на Запад. Это сделать было крайне трудно, граница на замке, но, будучи сотрудником разведки, он обзавелся всеми нужными связями. Возможно, он

укрылся в одном из посольств, откуда впоследствии был тайно вывезен, или самостоятельно перешел границу – мы не знаем. Следы фигуранта растворились в Европе. До недавнего времени даже не было информации, жив ли он. Но недавно следы Резника обнаружили в Королевстве Великобритании, в чем, кстати, нет ничего удивительного. И это неплохо, поскольку наша агентурная сеть там достаточно сильна. Сотрудничал ли этот ренегат с М15 или М16, неизвестно. Наверное, все-таки сотрудничал, раз оказался в Лондоне. А если учесть, что он находится там уже четыре года – он давно слил все, что знал. Остается утешаться тем, что это все же не немцы. Итак, наша первостепенная задача – схватить Резника и выбить из него сведения по заговору Буревича... Вы хотите что-то спросить, товарищ Романов?

– Мы всего лишь контрразведка, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга...

– Вопрос понятен. Да, существуют другие ведомства, занимающиеся подобными делами, – ГРУ, внешняя разведка. Но товарищ Сталин убежден, что мы справимся лучше. Он доверяет нам и не хочет привлекать упомянутые структуры. Товарищ Сталин имеет свои резоны, в которые остальным лучше не соваться.

– Я понял, товарищ комиссар госуда...

– И как ни крути, майор, а заговорами в армии должна заниматься военная контрразведка, где бы ни находились враждебные элементы. Это не только наша почетная обя-

занность, это честь, оказанная лично товарищем Сталиным. Так, ладно...

Абакумов резко поднялся из-за стола. Павел тоже подскочил. Начальник СМЕРШа досадливо отмахнулся – «сидите». Заскрипели по паркету подошвы яловых сапог.

– Но в Лондоне все туманно, прошу прощения за каламбур. Посольская резидентура задержала двух человек, имеющих отношение к Резнику. Их засекли с фигурантом в районе Ист-Сайд (прошли годы, Резник изменил внешность, но его узнали). Резидентура проводила свою операцию, и то, что эти люди вошли в контакт с Резником, стало сюрпризом. Эти двое являются членами белоэмигрантской антисоветской организации, наши люди выявили их руководство. Связь беглого сотрудника НКВД с членами Белого движения – это несколько причудливо, но чего не бывает. Парочку взяли, а Резник ушел. Позже его опять засекли в Лондоне, но снова не повезло. Это другое государство, скандалы нам не нужны. Тем более они наши союзники, обещают открыть второй фронт. Задержанных посадили в машину, доставили в посольство, держат в подвале. Их фамилии – Жулич и Глазнев. К сожалению, они граждане Великобритании, а скандалы нам, повторяюсь, ни к чему. Все прошло тихо, свидетелей не было, кроме сбежавшего Резника. Никаких нот протеста не последовало. Резник предположительно скрывается в Лондоне, но мы допускаем, что после случившегося он сменил место жительства. Однако совсем королевство он

не покинет, это непросто для человека, живущего на полулегальном положении. Но нужно спешить. Увы, прочесать весь Лондон мы не в состоянии... Сотрудники резидентуры провели предварительные допросы. Жулич и Глазнев возмущаются, кроют нас последними словами, но сильно напуганы. Уверяют, что никакого Резника не знают.

– Когда их взяли, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга?

– Двое суток назад. Пока все тихо. Родственники беспокоятся, оповестили полицию, но конкретно нашу страну пока не обвиняют. Думаю, это дело времени. Нам придется все отрицать. Повторяю, эти двое знают, как выйти на Резника. Повторного допроса не было. Из Москвы поступил приказ прекратить допросы и держать эту парочку в подвале, поить, кормить, следить за их здоровьем и не пытаться. Товарищ Сталин не хочет, чтобы делом занималась посольская резидентура, состоящая из сотрудников ГРУ. Еще раз: он доверяет только нашему ведомству. Понимаете, к чему я клоню?

– Понимаю, товарищ комиссар...

– Не хочется повторять, насколько мы заинтересованы в этом Резнике. Иного способа выйти на заговорщиков нет. Их немного, но они способны причинить колоссальный вред. Это дело решено поручить вам, Павел Сергеевич. Причины, думаю, понятны. Вы человек, преданный до мозга костей нашему делу. У вас есть опыт, навыки, вы участвовали во многих операциях, и они заканчивались в нашу пользу. Вы хлад-

нокровны, сдержанны. Вы удачливы, наконец. Вы вели это дело, понимаете, о чем речь. Владаете языками «в ассортименте», так сказать, а это крайняя редкость среди наших сотрудников – немецкий они учили, а вот английский, а тем более – французский... Вы жили в посольстве, видели Лондон, представляете, как там все устроено. Пусть тогда вы были в юном возрасте, но все же. Вы учились на дипломата, пусть даже недолго, вы сын дипломатов. Достаточно вам этих аргументов?.. Итак, вы направитесь в лондонское посольство под видом дипломатического работника. Должность помощника атташе по вопросам поставок продовольствия вас устроит? Документы будут. До отправки несколько дней, подтяните себя по дипломатическим штучкам, литературу вам выдадут. Британские коллеги понимают, что половина нашего посольства – разведчики под прикрытием, но все равно следует соблюдать приличия... как завещал товарищ Воровский, а с ним – товарищ Литвинов. – Абакумов сухо рассмеялся. – Посольство расположено все там же: Кенсингтон-энд-Челси, «дом Харрингтона».

– Это с тридцатого года, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга, – осмелился поправить Абакумова Павел. – В двадцать четвертом году посольство размещалось в Чешем-Хаус, в здании бывшего царского посольства. Потом мы разорвали отношения с королевством, восстановили их только в двадцать девятом, но в Чешем-Хаус не вернулись. Срок аренды истек в двадцать восьмом.

Миллионер Льюис Ричардсон согласился сдать свой особняк под советское посольство, там оно и находится. Место называется Кенсингтонский дворец. С этим зданием я, увы, незнаком.

– Ничего, сориентируетесь. Вы в Лондоне не задержитесь. Возьмите с собой группу – человека три. Им не обязательно знать дипломатический протокол, сойдут за охранников. Документы им сделают. Список подайте немедленно. Я слышал, в вашей группе есть женщина?

– Так точно, Нина Ивановна Ушакова, опытный сотрудник.

– Отлично. Женщина в группе может сбить противника с толку. Фото Резника и материалы его биографии вам предоставят. Привлеките к работе сотрудников посольства, но постарайтесь не переусердствовать. Вы имеете карт-бланш, поскольку выполняете задание самого Верховного. Ваша задача – используя Жулича и Глазнева, провести мероприятия по задержанию Резника. В средствах не стесняйтесь. На крайний случай получите пару адресов наших агентов, внедренных в английское общество. Резника – изолировать в посольстве, провести допрос – сами разберетесь, какую тактику выбрать. Разрешаю использовать химию и всякие эффективные средства. Все полученные сведения конфиденциальны, их не раскрывать даже членам вашей группы. Каждые сутки – радировать в центр, позывные будете получать. Нужны фамилии, потянем одну – полезут другие. Проработать вопрос

вывоза Резника в СССР – задача трудная, фактически невозможная, это мы понимаем. В случае невозможности ее реализации – Резника ликвидировать. Но только убедившись, что он сказал ВСЕ. Теперь к вопросу о вашей переправке. Не волнуйтесь, переходить десяток границ не придется. После завтра в Мурманск прибывает английский конвой с американской помощью для СССР. Слышали про ленд-лиз? Они высылают нам военную технику, продовольствие, сырье, медоборудование, лекарства, даже нефть – все, что только можно. Грузы приходят из Штатов в английские порты, там перегружаются на британские суда и северным путем – через Северное море, мимо Норвегии плывут к нашему Кольскому полуострову. Иногда их везут дальше – в Архангельск. Наш конвой – крейсер «Вестминстер», пара судов поменьше и катера сопровождения. В советских водах конвой сопровождают противолодочные катера. Насколько это рискованно, вы знаете, до конечной точки не доходит каждый десятый конвой – мины, атаки подводных лодок, бомбежка с воздуха... Будем надеяться, пронесет. После разгрузки вы подниметесь на борт. Препятствий не возникнет, это обычная практика – англичане не будут возражать против того, чтобы подбросить до Лондона нескольких «дипломатических работников». Назад конвой пойдет порожним... или почти порожним. Каюты вам предоставят. Время в пути – шесть-семь суток. Поняли задачу, товарищ майор?

– Так точно. Сделаю все, что в моих силах.

– Вот и славно. Поезжайте в Лондон, развейтесь, – Абакумов криво усмехнулся. – Выполните задание – родина будет в неоплатном долгу. А на фронте обойдутся без вас. Войны на ваш век хватит... Не буду вас больше задерживать, товарищ майор. Подробные инструкции получите утром.

Глава 2

Пассажирский самолет «К-5» три часа болтался в воздухе. Провели дозаправку на какой-то карельской базе. Покрикивал офицер, суетились люди в черных комбинезонах – самолет приказали заправить вне очереди. Пассажиры на улицу не выходили – дул пронизывающий ветер. Наконец самолет разбежался по грунтовой полосе, взмыл в воздух и скрылся в серых облаках. Внизу остался морозящий дождь да невзрачные постройки.

«К-5» шел с крейсерской скоростью 170 километров в час, держась на высоте трех километров. Машина имела комбинированный деревянно-металлический корпус и один двигатель – на большие высоты не претендовали в связи с отсутствием гермокабины и кислородного оборудования. Фюзеляж состоял из трех отсеков: кабины для двух пилотов, пассажирского салона на восемь персон, а в хвосте располагался туалет, не отличавшийся удобством, но радовавший своим наличием. Эти гражданские самолеты производили с 30-го года, выпустили больше двух тысяч. В армии их тоже применяли – перевозили грузы и пассажиров.

Двигатель размеренно гудел, скрипела обшивка. Из кабины пилотов не доносилось ни звука, иногда казалось, что они уже спрыгнули с парашютами.

В салоне из всех удобств – лишь две продольные лавки.

Голова норовила удариться об острый выступ, приходилось постоянно ерзать и держаться за кронштейн. Смотреть в иллюминатор было бессмысленно – самолет не выходил из зоны облачности. Настроение не улучшалось. Мысль об оказанном доверии почти не грела. Романов все прекрасно понимал и роль в деле товарища Сталина переоценивать не собирался. Верховный тот же человек, он может ошибаться, испытывать страх.

«Стандартные» заговоры тридцать седьмого – тридцать восьмого годов – явление обыденное, их участники фактически не несли угрозы вождю нации. С подпольной же организацией покойного Буревича дела обстояли иначе. Это был реальный заговор, и его участники хотели устранить вождя. Многие остались живы и при должностях, до них не дотянулся карающий меч правосудия. Заговорщиком мог оказаться кто угодно из приближенных Иосифа Виссарионовича. Понятно, что этот вопрос не мог не беспокоить товарища Сталина. Майор контрразведки попал меж двух огней. Не выполнит задание – последуют меры. Выполнит – слава и почет, но никто об этом не узнает... Лучше не задумываться о последствиях. Слишком горячие сведения, чтобы оставлять человека в живых.

Он гнал от себя неудобные мысли и прислушивался к неровной работе двигателя. Может быть, не все так плохо? Но если он прав, то не поздоровится и сопровождающим его лицам.

Павел открыл глаза и хмуро воззрел на сидящего напротив Гришу Заречного. Старший лейтенант умудрялся спать и при этом держаться за оба кронштейна. Он сладко причмокивал, выпятив губу. В этом парне, родившемся в Саранске, имелась некоторая наивность, но он обладал потрясающей работоспособностью, лучился идеями и не боялся лезть в пекло. Гриша почувствовал пристальный взгляд, приоткрыл один глаз, обозрел пространство, но командир уже не смотрел в его сторону.

Рядом с Павлом пристроился капитан Вадим Молчанов – мрачноватый, предпочитающий молчать. Он скрестил на груди руки, удерживал равновесие при помощи расставленных ног. Глаза капитана были открыты, но мыслями он отсутствовал.

Впервые Павел видел своих людей в гражданской одежде. В этом было что-то неправильное. Впрочем, к Нине Ушаковой, сидящей справа от Григория, претензий не имелось, она смотрелась идеально в симпатичном клетчатом пальто и волнистом берете, спадающем набок. Пепельные волосы прятались под головным убором. Кожаная дамская сумочка на коленях смотрелась куда лучше автомата «ППШ». Печальные глаза смотрели в пол. Она что-то почувствовала, отыскала взглядом командира и не смутилась, встретив его взгляд. Потом вздохнула, вяло улыбнулась, откинула голову. Нина Ушакова до лета 43-го числилась в радиоотделе, занималась шифрованием, радиоиграми, работала с отловленными

ми немецкими радистами. Однажды пришлось использовать девушку в боевой операции, и роль наживки Нина исполнила безупречно. С той поры ее привлекали к работе в «поле», она стала полноценным членом группы. Услышав про «командировку» в Лондон, она решила, что это розыгрыш, покрутила пальцем у виска, потом махнула рукой, но, видимо, так и не поверила.

Самолет тряхнуло. Молчанов потерял равновесие и чуть не снес командира с лавки. Нина оказалась в объятиях Заречного. Гриша не возражал, но смутился, перехватив строгий взгляд майора. Женщина засмеялась, отползла на место.

– Уже падаем, товарищ майор? – выкрикнул Заречный. – Парашюты где?

По полу прыгал чемодан. Идея с багажом никому не нравилась, но ситуация требовала – негоже «представителям дипкорпуса» появляться без личных вещей.

– Последний раз предупреждаю, Заречный! – крикнул Павел. – Больше никаких «товарищей майоров», уяснил? Мы гражданские люди, обращаемся друг к другу по имени-отчеству! Если забудешь, получишь взбучку!

– Так точно, Павел Сергеевич! – бодро выпалил Григорий. – Про взбучку мы уже поняли!

– Мы действительно летим в Лондон? – озадачилась старший лейтенант Ушакова. – Я никак не могу головой осознать...

– Осознай другим местом, Нина Ивановна! – веселился

Заречный. – К буржуйам проклятым едем – смотреть, как они эксплуатируют трудящихся!

Самолет опять тряхнуло, машина завалилась на левое крыло. «Ну вот и все», – обреченно пробормотал Григорий и закрыл глаза. У остальных тоже пропало желание говорить. От долгого полета уже тошнило. Пилот выровнял машину, но пока не снижался.

Павел закрыл глаза и провалился в сон. Проспал недолго (хотя кто знает?). Болела голова, горчило в горле. Наваливалось чувство обреченности. Вроде знаешь, что надо делать, и шансы есть, а все равно тошно на душе. О себе не думал – и не в таких передрягах участвовал, – но имел ли он право подставлять своих людей?

Заложило уши – самолет пошел на снижение. Павел повернулся, припал к иллюминатору. Самолет, вырвавшись из облаков, быстро терял высоту. Из седой пелены проявились очертания извилистой бухты. Высокий западный берег, сравнительно пологий восточный, вкрапления островов на водной глади. Далеко впереди – населенный пункт, мелкие домики теснились у восточного берега. Там же причалы, пирсы, смутные очертания судов в гавани. Кольский залив – узкий фьорд Баренцева моря на мурманском берегу. Уникальное природное образование, длина – 57 километров, ширина – около семи, глубины на отдельных участках достигают трехсот метров. Огромная акватория, пригодная для судоплавания. Самолет снижался, проявлялись скалы. Высокие

волны выбрасывались на берег. Протяженный порт был защищен молами и волнорезами.

– Кольская губа... – протянул Молчанов. – Как и московская тюрьма – скоро не выйдешь... Вижу суда, командир! Неужели правда уплываем в эту чертову Англию, а наши тут будут без нас с фашистами разбираться? Неловко как-то, зачем нам это?

– Ничего, одна нога здесь, другая там. – Павел откинул голову, закрыл глаза. Самолет уходил от бухты, продолжал стремительно терять высоту.

На аэродромном поле дул пробирающий ветер, гнал по бетонке оторванные ветки и обрывки мусора. Оперативники спустились по трапу, волоча громоздкие чемоданы. В стороне протяженного аэродромного поля сиротливо жалась кукурузники, виднелись стволы зенитных орудий, нацеленные в небо. Сквозь порывы ветра доносились звуки канонады.

Город Мурманск за два с половиной года немцам так и не отдали, а теперь и подавно не отдадут. Дважды вражеские армии переходили в наступление, и всякий раз их отгоняли, нанося внушительный ущерб. Город, застроенный преимущественно деревянными зданиями, был разрушен до основания, но продолжал жить и работать. Исправно функционировал порт, куда приходили иностранные суда. Здесь осуществлялась разгрузка, отсюда товары развозились по всей стране, в том числе и на фронт. Мощная система ПВО не позволяла немецким самолетам прорваться в порт – все по-

пытки пресекались на корню. Зенитчики бдели круглосуточно, по нескольку раз в сутки в небо поднимались перехватчики.

Город прятался в сизой дымке. Тянуло гарью. Моросил холодный дождь. В дымке едва различались люди и предметы.

Послышался звук мотора – приближался автомобиль. Из хмари возник грузовик с кузовом, затянутым брезентом. Машина тряслась на стыках бетонных плит, гуляли борта. Полторка подкатила к трапу. С подножки спрыгнул невысокий мужчина в непромокаемой накидке и засеменял к группе людей.

– Вы из Ленинграда, товарищи? Майор Романов? Отлично, я капитан Якушев, мурманское управление особых отделов, – мужчина небрежно отдал честь, сунул пятерню. – Документы покажите, и поедем. Увы, такой порядок. Вас приказано доставить в порт, там уже ждут. Дико извиняюсь за задержку, с нашей автомобильной техникой вечно какие-нибудь нелады...

Больше суток поскрипывала палуба под ногами. Тошнота стала нормой. Организм отвергал любую позу, мысли о еде вызывали злость. Над головой мигала лампочка, маленькая каюта рябила перед глазами. Делать на этом судне было нечего, от безделья пассажиры сходили с ума.

Павел вертелся на жесткой койке, подбивал под себя по-

душку. Книжка Островского «Как закалялась сталь» была изучена на восемь рядов, и образ Павки Корчагина тоже уже вызывал тошноту. Он закрывал глаза, перестраивался на другую волну, и перед взором вставало лицо Андрея Борисовича Резника – активного участника заговора против товарища Сталина.

На фотографии «персональный куратор» полковник Маховецкий не поскупился. Резник был представлен в разных ракурсах, в форме и без, в окружении семьи, друзей, сослуживцев и в гордом одиночестве. Участи друзей и сослуживцев можно было посочувствовать. Андрей Борисович смотрелся импозантно – он был подтянут, представительен, имел скуластое лицо, умные глаза и короткие жесткие волосы, выстриженные на макушке «аэродромом». Спутать его с кем-то другим было невозможно. Смущало только, что последний снимок был сделан пять лет назад, и как сейчас выглядит Резник, неизвестно. А если человек хочет скрыться от всепроникающей руки советской власти, он в первую очередь должен озаботиться сменой внешности... Павел бросил стопку фотографий на столик и закрыл глаза.

Английский конвой состоял из трех основных судов и пары мелких противолодочных посудин. Крейсер «Вестминстер» выглядел внушительно, ошетинился зенитками и орудийными батареями. В случае нападения он мог дать достойный отпор. Остальные два судна, «Глазго» и «Хэмилтон», были скромнее, хотя обладали неплохим водоизмещением.

Собственного вооружения они не несли, команда на каждом судне состояла из двадцати моряков.

Под разгрузкой в Мурманске конвой стоял недолго – команда работала быстро, прислушиваясь к канонаде на западе. Из разговоров явствовало, что по пути в Мурманск конвой подвергся атаке, но ему удалось отбиться. Моряки сбросили глубинные бомбы, отогнали немецкую подлодку. Похоже, подлодка повредила субмарину (были засечены масляные пятна). Потом подлодка всплыла в паре миль от курса конвоя – ее видели в бинокли. Матросы радовались – получили по соплям чертовы нацисты!

В порту царила нормальная деловая неразбериха. Грузы извлекались из трюма, отправлялись на склады. Работала на износ портовая техника, надрывались грузчики. «На этот раз ничего секретного или сверхтаинственного», – просветил капитан Якушев. «Консервы, тушенка, армейские ботинки, радиолокаторы, взрывчатые вещества, двигатели для катеров, металлорежущие станки... До позднего вечера простоят под разгрузкой, обратно пойдут порожняком. Отчалят в час ночи – не хотят задерживаться в Советском Союзе. Вам зарезервировано место на «Глазго», уже договорились, капитан Макмиллан не возражает. Пойдемте, товарищ майор, знакомиться с союзниками...»

Мрачноватый капитан Макмиллан большого восторга не проявил, но, просмотрев бумаги «дипломатов», подал руку и прохрипел, что искренне рад знакомству. Моряки тараци-

лись на Нину, обменивались скабресными шуточками. Очевидно, во всем мире мужчины одинаковы. Нина сухо улыбалась, лишнего не говорила. В гражданской одежде она смотрелась мило и меньше всего тянула на оперативника самой зловещей спецслужбы мира. Кто-то проворчал, что женщина на борту – так себе примета, но широкого отклика заявление не вызвало. Вопреки ожиданиям, английские моряки оказались радушными парнями, тянули руки, лезли знакомиться, очень удивлялись, что старший в группе понимает по-английски. Их имена и фамилии запомнились с трудом: старпом Джерри Флеминг – просоленный коренастый тип с задубевшей кожей, матросы Уоткинс, Галлахер, Чарли Хатчинсон – у них были простые добродушные лица, они что-то спрашивали, смеялись...

Насчет «порожняка» Якушев слукавил. Павел лично наблюдал, как солдаты в форме войск НКВД очистили от посторонних причал и встали в оцепление. Подошла колонна из двух грузовиков под охраной взвода автоматчиков. Рабочие стали перегружать на борт крейсера опломбированные металлические контейнеры и сразу отправляли их в трюм. При загрузке присутствовали советские и британские офицеры, они шуршали бумагами и переговаривались при помощи переводчика. Возможно, это было золото с колымских приисков, которым советское правительство рассчитывалось за проценты по ленд-лизу. По крайней мере, это первым пришло в голову.

Суда покинули мурманский порт после полуночи. Они долго шли на север по Кольскому заливу, затем вышли в штормовое Баренцево море. День от ночи ничем не отличался. Небо заволокли черные тучи, неистовствовал ветер. Иногда порывы прекращались, можно было выйти на палубу, покурить. Перемещения пассажиров не ограничивали, но на всякий случай за ними присматривали, не забывая дружелюбно улыбаться. Временами начинался дождь, переходил в ливень, потом прекращался. Потоки воды стекали по иллюминатору. Стрелки на часах словно встали. Но снова началась ночь. Сквозь тонкие переборки доносились командные крики боцмана Хартмана, моряки послушно бегали. С субординацией в английском флоте было не очень, по струнке не тянулись, командиров звали по именам, в одежде проявлялась небрежность, но дисциплина поддерживалась.

Заскрипела разохшаяся кушетка – майор сел и обшарил карманы. Документы и прочие сопроводительные бумаги находились в багаже. В карманах брюк лежали фунты, пачка «Казбека» с парой последних папирос и трофейная немецкая зажигалка. Курить не хотелось, но и сидеть в каюте было невыносимо.

«Дипломатов» поселили на нижней палубе, над трюмом. Здесь было тесно, витали подозрительные запахи. Каюта состояла из трех смежных помещений. Нина Ушакова разместилась в последнем и практически не выходила – видимо, спала. От майора ее отделяло двухместное помещение, где

страдали от безделья Вадим Молчанов и Гриша Заречный. Они кряхтели, вяло переругивались.

– Павел Сергеевич, вы здесь? – спросил Заречный.

– А встать и посмотреть – лень? – проворчал Романов. – Обленились вы у меня, товарищи. С завтрашнего дня начинаем делать утреннюю зарядку, бегать кругами по палубе, как это делают все члены команды.

– Мы не возражаем. А после пробежки – водные процедуры в освежающем море, – хихикнул Григорий. – Павел Сергеевич, мы тут спорим с Вадимом, что случилось с английским крейсером «Эдинбург» в прошлом году?

– Он утонул, – скупно отозвался Романов.

– Знаем, что утонул, – проворчал капитан Молчанов. – Говорят, он золото вез?

– А тебе какая забота? Поднять хочешь?

– Ну не для себя... – смутился капитан. – Нам хватает нашего денежного довольствия. Там глубина немереная, ни один водолаз не поднырнет. После войны технический прогресс в гору пойдет, глядишь – появится возможность поднять это золото. Жалко, такая куча денег пропала...

История не афишировалась, но факт оставался фактом. Легкий крейсер «Эдинбург» английского королевского флота был потоплен полтора года назад. Он сопровождал конвой, возвращавшийся из Мурманска. На борту находилось 5,5 тонны золота в слитках – частичная оплата советских закупок, произведенных сверх программы ленд-лиза. Крейсер

торпедировала немецкая подлодка, торпеды попали в борт и в корму. «Эдинбург» остался на плаву, моряки откачивали воду, заделывали бреши. На выручку подошли два британских эсминца. Крейсер пытались вернуть в Мурманск, но подтянулись немецкие суда и разгорелся бой. «Эдинбург» подвергся массированному обстрелу. Крейсер накренился, утратил плавучесть. Немцы потеряли один эсминец, но сумели снять с него экипаж и отошли. Команда «Эдинбурга» тоже покинула судно, ее перевезли на британские суда. Затем англичане сами добивали свой гибнущий крейсер, чтобы не достался врагу, – били по нему торпедами и обстреливали из орудий. Корабль затонул вместе с золотом – вынести его не представлялось возможным. Глубина моря на том участке составляла 260 метров. Экипаж крейсера доставили в Мурманск, а золото до сих пор покоится на дне, и сколько ему там лежать, бог ведает. Золото было застраховано в Госстрахе СССР, а часть его – перестрахована англичанами каким-то комитетом по страхованию военных рисков.

– Забудьте о чужом золоте, – проворчал Павел. – Когда-нибудь поднимут, никакой трагедии. Спите, товарищи, пока дают. Когда еще удастся...

– Не можем спать, Павел Сергеевич, – пожаловался Заречный, – трясет, как на кочках! Это не море, а раздолбанная дорога какая-то, как на передовой, право слово! Как эти матросы всю жизнь плавают? Тошнит же постоянно!

– Не плавают, а ходят, – поправил Молчанов.

– Ага, ходят они, – фыркнул Григорий. – Это мы ходим. Павел Сергеевич, может, займемся чем-нибудь? Проведите нам политинформацию, в конце концов, расскажите о творном влиянии Запада на советского человека. Мы же в самую клоаку капитализма плывем! В смысле, идем. Давайте Нину Ивановну разбудим и ей тоже политинформацию прочтем? А то обидно, она постоянно спит, а мы – ни в одном глазу... Еще неделю плыть. Вы только представьте, Павел Сергеевич, обратно ведь тем же маршрутом выбираться придется – с ума сойти можно! Может, сухопутным путем пойдем? Подумаешь, несколько государств...

– Григорий, заткнись, голова от тебя болит, – простонал Павел. – Вот скажи, откуда ты взялся – такая находка для шпиона?

Гриша замолчал – обиделся. Молчанов злорадно ухмылялся. Павел натянул ботинки, снял с крючка любезно выданную англичанами штормовку и вышел в коридор.

Пахло мазутом, потом и трубочным табаком. В коридор выходили двери нескольких кают. В конце находилась лестница, ведущая на верхнюю палубу. Качка усилилась, пришлось вцепиться в поручень. Рифленные ступени ходили ходуном.

Павел выбрался на палубу, припал к лееру. Неподалеку гоготали матросы, разматывая канат. Один из членов команды помахал майору, тот отозвался кивком. Судно плавно вздымалось на волнах, за спиной скрипели сочленения над-

стройки. Ветер, по счастью, стихал, а в воздухе висела легкая изморось. Павел сместился под навес, привалился плечом к столбу. Курить особо не хотелось, но случаются ситуации, когда надо. Он вынул папиросу из пачки, чертыхнулся – практически пустая. Он выкурил последнюю папиросу за несколько затяжек и выбросил окурочек в море вместе с пачкой. Качка наверху ощущалась сильнее, но здесь было чем дышать. Свежий воздух прояснил сознание, голова уже не трещала. Мерно вздымалась громадная серая масса. Сохранялась видимость – ночи на севере не столь черны, как на юге. Спереди и сзади поблескивали бортовые огни – «Глазго» шел в составе конвоя. Впереди – «Вестминстер», сзади – «Хэмилтон». Корабли охраны в глаза не бросались – вероятно, шли по правому борту. Из мутной пелены тонкой черной лентой проступали очертания береговой полосы.

Подошли Уоткинс и Галлахер – два британских моряка в непромокаемых комбинезонах – и встали неподалеку. Снова налетел ветер, стал срывать с них капюшоны.

– Все в порядке, сэр? – спросил коренастый Уоткинс.

– Все отлично, товарищ, – подтвердил Павел. – Чувствуем себя заново родившимися, наслаждаемся экскурсией.

Моряки добродушно засмеялись. Физиономия русского «дипломата» плохо сочеталась с понятием наслаждения.

– Ничего, сэр, скоро привыкнете, – заверил молодой черноволосый Галлахер. – Мы тоже когда-то привыкали, зато теперь на суше чувствуем себя неуверенно, хочется поско-

рее в море.

«Не дай бог», – подумал Павел.

– Это Норвегия? – кивнул он на узкую полосу суши.

– Норвегия, – подтвердил Уоткинс. – Немцы ее оккупировали. Здесь иногда подводные лодки шныряют, не дают спокойно наслаждаться природой. Но когда видят крейсер и противолодочные катера, как правило, уходят, не хотят связываться. Так что вам нечего переживать, сэр. Вероятность нападения незначительна. Здесь и наши подлодки иногда появляются, не дают нацистам заниматься разбоем.

Уоткинс извлек из недр комбинезона пачку английско-го «Ротманса» и выудил сигарету. Галлахер потянулся к его пачке, тоже подцепил «курительную палочку». Уоткинс протянул пачку Романову.

– Держите, сэр. Берите всю пачку, у нас еще есть. Мы видели, что у вас закончился табак. Держите, не отказывайтесь, это хорошие сигареты.

– Поставщик двора его королевского величества, – пошутил Галлахер.

– Спасибо, парни.

– Ты заметил, Гарри? Сегодня слишком близко подошли к Норвегии, – подметил Галлахер. – Обычно ее не видно. Приборы, наверное, барахлят.

– Глаза у них барахлят, – проворчал Уоткинс. – Какой толк от этих приборов, если Норвегию видно невооруженным глазом?

– Женщины вашей что-то не видно, сэр, – поколебавшись, произнес Галлахер. – Она хорошо себя чувствует, не укачало?

– С коллегой все в порядке, – уверил Павел. – Небольшой приступ морской болезни и крепкий детский сон.

Англичане засмеялись.

Из-за надстройки выбрался старпом Джерри Флеминг и стал ворчать: «Вот вы где, обыскались уже! А ну, марш в машинное отделение, там помощь требуется!» Моряки побросали окурки и потащились выполнять свои обязанности.

В хвост конвоя по левому борту проследовал и растворился в полумраке катер, увешанный глубинными бомбами. «Возможно, что-то случилось», – машинально отметил Романов. В штатной ситуации корабли королевского флота расходятся правыми бортами. Он проводил глазами катер, повернул голову и вздрогнул. Рядом стояла женщина в непромокаемой брезентовой накидке, обнимала себя за плечи и пристально смотрела вдаль.

– Испугала, Нина Ивановна, – выдохнул Павел. – Не заметил, как ты подкралась.

– Что за контрразведчик ты такой, Павел Сергеевич, если не видишь, как люди к тебе подкрадываются? – проворковала женщина.

Ее знобило. Павел обнял Нину и прижал к себе. Она безропотно прильнула к майору и положила голову ему на плечо. Он поцеловал подчиненную в висок. Ее кожа казалась

горячей.

– Эй, товарищ Ушакова, – забеспокоился Павел, – в чем дело? Ты не заболела? Болеть запрещено, забыла? Ко дню прибытия ты должна быть в форме.

– Буду, товарищ майор, – прошептала женщина. – Пока доплывем, можно несколько раз заболеть, вылечиться и снова заболеть. Все в порядке, просто укачало. Надоело в галюн бегать – полощет без конца. Постою минутку, все пройдет.

Павел нагнулся и поцеловал ее в губы – исключительно в целях профилактики простудных заболеваний. Нина вздрогнула, но тут же расслабилась, подняла голову и ответила на поцелуй. Удивленно присвистнул пробежавший мимо матрос: дескать, этим русским ничто не чуждо. Павел развернул девушку к себе, поцелуй стал более страстным. Первые мгновения она отвечала, потом опомнилась, отстранилась, перевела дыхание.

– Паша, ты чего? Тут же полный корабль посторонних глаз... – она озиралась. – Что за свобода нравов? Да и наши могут подняться...

– Не поднимутся, – уверил майор. – Они же видели, что ты на палубу пошла. Значит, со мной стоишь. Не поднимутся, а то по шее получают... Эх, Нинок, где бы нам с тобой уединиться на этом чертовом корабле? Может, в трюм пойдем?

Девушка прыснула.

– Опомнитесь, товарищ командир, чему мы учим наших

английских союзников? Они уже дырку во мне протерли. Нет, вы можете, конечно, приказать, если уверены, что это связано с выполнением задания...

– Ладно, – он отпустил девушку, отступил к лееру, успокоился. – Прости, Нина Ивановна, не о том подумал.

– Все в порядке, Паш, ну что ты как маленький... – она подняла голову и посмотрела на него большими печальными глазами.

Их отношениям не хватало простой человеческой романтики. Не было времени добыть и подарить шоколадку, сбегать на ближайший луг, чтобы нарвать полевых цветов. Все второпях, на скорую руку, как придется. У Павла порой щемило сердце, когда он смотрел на эту женщину.

Нине Ивановне недавно исполнилось тридцать лет. Она всегда была собрана, вдумчива, принимала взвешенные решения. Жалостью к врагам Нина Ивановна не страдала, Павел лично наблюдал, как она расстреляла двух полицаев, прибывших за сброшенной на парашюте рацией. При грузе был еще радист, но до земли он живым не добрался. Осенью 41-го года Нина Ивановна потеряла годовалого сына вместе с матерью и отцом – они пытались вывезти ребенка из осажденного Ленинграда. Бомба разнесла переполненный автобус. Месяцем ранее Нина потеряла мужа, он сражался на Западном фронте, командовал взводом, не вышел из окружения под Вязьмой. Очевидцы видели, как он с гранатой бросился под танк, и после взрыва там не осталось никого жи-

вого. Два года Нина приходила в себя. Служила в радиотехническом отделе, писала шифры. Потом перевелась в оперативное подразделение.

– Обними, а то замерзну. – Она прижалась к Павлу и закрыла глаза. – Хорошо мне с тобой, Павел Сергеевич. Только неправильно все это. Свои не настучат, но наши с тобой амурные отношения все равно вскроются. А они мешают службе и потому разлучат нас с тобой когда-нибудь. А если и не разлучат, все равно не кончится это дело добром.

– Отставить панические настроения! – рассердился Павел. – Никто из нас не умрет, по крайней мере, на этой войне. А сейчас нам и вовсе беспокоиться нечего – едем в страну, где не ведутся боевые действия.

Они постояли несколько минут. Понятливо хмыкали проходившие мимо матросы. «Мэм, зачем вам эта Россия? Оставайтесь у нас, в Англии!» – бросил кто-то. Нина не поняла. Павел выразительно покосился на остроумца в брезентовом комбинезоне, и тот мгновенно умолк. Мысль крутилась в голове: «Найдется ли на судне уединенное местечко? Надо провентилировать обстановку, походить, осмотреться... Детский сад какой-то! До какой же степени расхолаживает безделье!»

Снова усилился холодный ветер, забрался за воротник. Он потянул девушку на лестницу – хватит уже проветриваться. Войдя в надстройку, в царство пота и мазута, он взял ее за плечи, прижал к себе и отыскал холодные губы (почему они

такие холодные?). Прошла минутная слабость, девушка съезжилась, ошетибилась, от прежней взаимности не осталось и следа.

– Все, Паша, хватит, пойдем, успеем еще.

Она спускалась первой, держась за хлипкий поручень. Шахту освещала лишь тусклая лампочка, приходилось ощупывать ступени ногой, прежде чем ступить.

Когда они спустились на середину пролета, судно потряс удар. Торпеда попала в машинное отделение, повредила двигатель и проделала жуткую пробоину в борту. Взрыв был оглушительный, заложило уши. Романов удержался на ногах, присел, схватившись за леер. Нина, крича, скатилась по ступеням. Ужас придавил ее к полу, волосы встали дыбом. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Судно накренилось, кричали люди, топали где-то внизу. Весьма удивительно, но лампочка продолжала гореть – значит, основной генератор не пострадал.

Павел спрыгнул вниз по ступеням, упал на колени перед распростертой Ниной, лежавшей в какой-то нелепой позе. Он осторожно приподнял ее голову, облегченно выдохнул – жива! Девушка жалобно застонала, зашевелилась.

– Ты в порядке? – прокричал Павел. – Ничего не сломала?

– Не знаю, Пашенька, вроде нет... Что это было?

Она попыталась приподняться. Павел схватил ее под локти, поставил на ноги и прижал к стене. Нина перевела дыхание и обняла его за плечи.

Еще никто не знал, что две подлодки незаметно подкрались к конвою. Одна ударила по «Глазго», другая – по крейсера «Вестминстер». Последний пострадал в меньшей степени, остался на плаву и продолжил движение. Все силы команды были брошены на сохранение живучести судна. С «Глазго» все было хуже, судно дало опасный крен. Трещали, рвались переборки. По коридору топали матросы, хлопали двери кают. Кто-то пробежал мимо – кажется, старпом Джерри Флеминг, – запрыгал по лестнице, но оступился, ударился челюстью. Его схватил за шиворот и толкнул в спину бежавший следом. Матросы валили с палубы наверх, пробегали мимо. Судно сотрясалось, скрежетало составными частями.

Нина хрипела. Павел прижал ее к стене, ждал, когда пробегут матросы. Лезть в эту сутолоку было чревато переломами. Снова кто-то упал. Переломился слабый поручень, не рассчитанный на такие нагрузки.

– Командир, это мы... – бубнил Вадим Молчанов, вываливаясь из коридора. – Гришка где-то здесь был...

– Да здесь я, куда же денусь с этой подводной лодки. – Заречный пробивался к товарищам. – Товарищ майор, хана кораблю! Не удержится он на плаву, спасаться надо... Нина Ивановна, ты в порядке?

Женщина жалобно стонала, ее трясло – падение с лестницы не прошло даром.

– Должны отбиться, – хрипел Молчанов. – На «Вестмин-

стере» хорошее вооружение, плюс противолодочные катера.

Вторая торпеда ударила в левый борт, пробила корпус ниже ватерлинии. Судно вздрогнуло, в трюме прогремел взрыв. Крики усилились. Погасла единственная лампочка.

Григорий не растерялся, включил фонарь и первым прыгнул на опустевшую лестницу. Одеты были «дипломаты» как попало, едва натянули обувь и верхнюю одежду. Мелькнула мысль: «Документы остались в каюте. И не только документы, все там осталось!» Но возвращаться было равноценно самоубийству. Заречный схватил под локоть Нину, поволок ее по лестнице. Девушка качалась. «Останки» поручня висели, пришлось прижиматься к стене. Вскрикнул Молчанов – треснула ступень, нога провалилась в пустоту. Павел схватил его за шиворот и вытащил из ловушки, едва не сломав ему щиколотку. Фонарь покатился по уцелевшим ступеням, но это не имело значения – палуба была рядом. Люди выбирались наружу, помогая друг другу. Крен был сильный. Григорий не устоял, заскользил к борту, махая руками. Он ударился плечом, заорал от острой боли.

Люди сбились в кучу. Картина была безрадостной, судно тонуло. Кто-то кричал, что погиб капитан – он находился в машинном отделении в момент пуска торпеды. На судне имелись две вместительные спасательные шлюпки – достаточно для двух десятков человек.

Подводная лодка оставила в покое гибнущее судно и отправилась искать другую мишень. «Хэмилтон» шел по пра-

вому борту на расстоянии полутора кабельтовых, торопясь покинуть опасную зону. На судне снаряжали шлюпку для помощи терпящим бедствие. Но как доплыть в такой шторм? Море бурлило, перекатывались гигантские волны. Дул промозглый ветер. «Вестминстер» шел по курсу, судно держалось на плаву, работали двигатели. Но на нижней палубе что-то горело – из разбитых иллюминаторов вырывалось пламя. Моряки сбрасывали глубинные бомбы, и они рвались под судном, усиливая волну.

На «Глазго» уцелела одна шлюпка, вторая была разбита вдребезги. Скрипела лебедка – моряки спускали на воду уцелевшую посудину. Суденышко перекошилось, заклинило шестерню. Раздался душераздирающий треск, штанга лопнула, и остроносая шлюпка повисла в воздухе. Матросы столпились на борту, кричали. Кто-то вскарабкался на борт, прыгнул, вцепившись в трос, стал сползать по нему к задранной корме лодки. Но едва ли в подобных условиях можно было провести починку.

– Товарищ майор, они не спустят шлюпку! – крикнул Заречный. – А если и спустят, нам не хватит места! Половине матросов не хватит! У вас есть идеи, товарищ майор? До берега вплавь не доберемся!

– Товарищи, я плавать не умею... – стонала девушка.

– Успокойтесь, Нина Ивановна, – нервно засмеялся Молчанов. – Будь вы хоть трижды призер по плаванию – больше двадцати метров в этой воде не проплывете!

Полезных мыслей в голове не было. Павел вцепился в леер и потрясенно смотрел, как матрос болтает в воздухе ногами. Его руки разжались, он полетел вниз, ударился головой о край шлюпки и исчез в бурной воде. Назад он не выплыл.

Волна захлестнула тонущее судно. Нина закачалась, чуть не выпала за борт. Павел схватил ее за талию, оба повалились под леер. Оперативники ругались матом, забыв про свою интеллигентную сущность. Романов поднялся, повертел головой, чтобы быть в курсе событий. Кое-кто недавно назвал его удачливым? Спасибо вам огромное, товарищ комиссар государственной безопасности второго ранга!

Помощь с «Хэмилтона» не спешила, у команды возникли трудности. Шлюпка, отправленная на выручку, перевернулась, и членам команды, оставшимся на борту, пришлось спасать своих.

Из пелены возник британский противолодочный катер. Он обогнул с носа терпящее бедствие судно. На передней палубе толпились моряки. Капитан принял решение забрать команду с «Глазго». Матросы встретили ликованием появление катера – свистели, орали, махали. Катер приближался, светя бортовыми огнями.

Но немецкая подлодка, оказывается, никуда не делась. Она таилась в пластах воды, поджидая добычу. Субмарина произвела торпедный пуск и ударила почти в упор ниже ватерлинии. Катер вздрогнул, его повело в сторону. В борту образовалась пробоина, туда мгновенно хлынула вода. В

трюме взорвались боезапасы, судно мгновенно превратилось в пылающий факел. Люди металась в огне, прыгали в воду. Пламя с катера перекинулось на нос «Глазго». Вспыхнул бушприт, занялись горючие материалы обшивки. Катер тонул стремительно, через несколько мгновений на плаву осталась только горящая надстройка. Несколько человек барахтались в воде, борясь за жизнь. Но это были тщетные усилия. Прогремел очередной взрыв – теперь на капитанском мостике, разлетелись пылающие обломки. Доносились слабеющие крики. С борта «Глазго» спрыгнул в воду отчаянный матрос – хотел помочь своим товарищам на катере. Его накрыл горящий обломок обшивки – матрос даже крикнуть не успел.

«Глазго» уходил под воду. Матросы металась, еще не расставшись с надеждой спустить шлюпку. Их было человек пятнадцать, остальные не выжили. Шлюпка улеглась на воду, но криво, зачерпнула бортом.

– Пойдем, – решился Павел. – Они должны нас взять, не имеют права бросить.

Молчанов кинулся первым.

В этот момент немецкие подводники решили ускорить процесс и вклепили в борт «Глазго» третью торпеду. Она попала чуть ниже того места, где толпились люди. Шлюпку сорвало с тросов, она переломилась пополам и перевернулась. Взрывом половину матросов убило на месте, остальные посыпались в воду. Многие тут же всплывали мертвые. Скалился, разбросав конечности, старпом Джерри Флеминг. Повис,

зацепившись коленом за леер, мертвый боцман Хартман.

Молчанов споткнулся, остальные тоже попадали. Нина скрипела зубами, сжимала в бессильной ярости маленькие кулачки. Стонал Заречный, растирал отбитый затылок. Павел на коленях подполз к Молчанову и перевернул безжизненное тело. В переносицу вонзился огрызок трубы, оторванный взрывной волной. В глазах осталась ярость. Смерть была мгновенной, он даже не понял, что произошло.

Дальнейшие события Павел помнил смутно. Ноги подкосились, в ушах фонило. Контузило не сильно, но полоскало, как после бурной попойки. На палубе валялись трупы, несколько тел качались на воде. В пяти метрах от борта плавала перевернутая шлюпка – вернее, то, что от нее осталось. Рядом висели еще тела, какие-то обломки. Палуба «Глазго» уходила из-под ног, ее захлестывала вода. Майор что-то кричал, злился на бестолковых подчиненных. Доплыть до лодки не так уж сложно – подумаешь, прохладная вода! Еще не зима, есть все возможности выжить! Шлюпка – единственный шанс, больше зацепиться не за что. Только подтащить ее к судну, к сожалению, нечем, под рукой нет подходящего багра. Нина стояла на коленях, держалась за живот – ее рвало. Девушка плохо понимала, что происходит и зачем ее тащат в ледяную воду. Что произошло с Заречным? Павел не понял. Григорий был готов плыть, кричал, что они должны вместе оказаться в воде, а Нина пусть держится между ними – сама не доплывет, надо ее поддержать. Павел не возражал.

Вода уже поднялась до колен, верхняя палуба скрывалась из вида. Можно было не прыгать, просто сойти в воду. Но Гриша оступился, наглотался воды и всплыть уже не смог. Павел оказался в ледяной воде, холод продрал до костей. Они-мели конечности. Груз одежды тянул на дно. Он погрузился с головой в стылую воду, но опомнился, пришел в себя, стал работать конечностями – всплыл. Это был форменный ужас. Нина стояла по колено в воде, тянула к нему руки, обмерев от страха. Некстати вдруг вспомнилось, что девушка не умеет плавать. Не научили ни семья, ни школа. Образование дали, вырастили достойного советского гражданина, а вот сладить с ее комплексами и демонами не смогли.

– Паша, где Заречный? – бормотала Нина. – Не выныривает. Он, кажется, головой ударился.

Павел повертелся в ледяной воде, нырнул, пошарил руками вокруг себя. Наткнулся на безвольное туловище, но оно выскользнуло из рук, словно угорь. А когда вынырнул, обнаружил перед собой мертвое лицо Гриши Заречного. Кровь вытекала из раскрытого черепа, тут же смывалась водой. Глаза молодого оперативника были распахнуты до предела. Легкие наполнились водой, поэтому долго на поверхности тело не продержалось, стало тонуть. Последней исчезла рука с искривленными пальцами.

Нина глотала слезы, не решаясь шагнуть с затопленной палубы. Романов подплыл к девушке, схватил ее под мышки. Нина ахнула, и через мгновение оба оказались в воде.

Он сам наглотался, греб свободной рукой. Подтащить перевернутую шлюпку было невозможно, даже переломанная она была очень тяжелой. Жилы рвались, круги плясали перед глазами. Он плохо помнил, как затаскивал девушку на киль, за что хватался, срывая ногти. Она держалась, подтягивалась. Днище шлюпки было широким, девушка перевалилась через киль и лежала, хватая воздух.

Он прохрипел:

– Не шевелись, восстанавливай дыхание...

Павел лез на шлюпку, теряя последние силы. Схватился за выступ, подтянулся. В глазах темнело, он словно погружался в анабиоз. Холод в эту минуту был не актуален, он ничего не чувствовал. Море бурлило, шлюпка ходила ходуном, стылый ветер налетал порывами. Нина лежала рядом, издавала слабые звуки. Шлюпку относило от места катастрофы. Звуки боя давно прекратились, только ветер утробно выл да гудело море...

Через несколько минут вернулась способность шевелиться. Павел перевернулся на спину, приподнял голову. Кашель вывернул наизнанку.

Шлюпка медленно барражировала по волнам. «Глазго» затонул вместе с надстройкой и всеми палубами. На поверхности моря остались лишь обломки – элементы палубы, деревянной обшивки, несколько мертвых тел. Часть из них за что-то зацепилась, остальные дрейфовали вслед за шлюпкой. Из воды торчала искривленная рука с растопыренными

пальцами. Мрак покрыл Норвежское море. Немецкие подлодки удалились, выполнив свою миссию.

Прийти на помощь товарищам моряки не смогли. Второй противолодочный катер, очевидно, тоже потопили. На «Хэмилтоне» и «Вестминстере» мерцали бледные огни. Суда конвоя находились далеко, и уже было ясно, что они не вернуться. Прислушавшись, майор различил отдаленный гул и звуки разрывов. Значит, субмарины еще не ушли, завершали начатое, а моряки оборонялись. Но их также ожидала печальная участь. Суда потеряли подвижность, стали удобными мишенями и не имели шансов дойти до своего порта.

Нина застонала, стала вздрагивать. Задрожали слипшиеся ресницы. Павел потянулся к ней. Девушка дрожала от холода, пыталась расклеить сведенные судорогой губы.

Тихие звуки привлекли внимание. Майор насторожился. Среди обломков мелькали две головы. Они принадлежали явно не мертвецам. Люди вяло загребали слабеющими конечностями, перекатывались через волны. Павел стал махать, что-то сипеть. Его видели – выжившие матросы направлялись к шлюпке. Лица знакомые – Уоткинс и Галлахер. Впрочем, доплыл только один – до шлюпки оставалось четыре метра, когда у Уоткинса кончились силы. Он больше не мог грести и некоторое время просто оставался на плаву, хватая воздух. В его глазах стояла беспробудная тоска. Майор не мог ему помочь – сползи он в воду, погибли бы оба. Волна захлестнула моряка, и его голова пропала. Молодой

черноволосый Галлахер издал протестующий возглас, подался к товарищу. Силы еще не иссякли. Он завертелся, нырнул, но это было бессмысленно. Павел хрипел: «Матрос, давай сюда...» Галлахер плыл тяжело – отказывали руки. Майор обхватил локтями киль, сполз ногами в воду. Матрос догадался, совершил рывок на последнем издыхании и схватил Романова за ноги. Тот едва не сполз в воду, тужился. Галлахер карабкался по нему, как по лестнице. Наконец добрался до кия, откатился в сторону. Потом схватил майора за шиворот, подтащил к себе. Они лежали, окончательно лишившись сил, – один на животе, другой на спине, – и тяжело дышали.

Способность шевелиться вернулась не скоро. Шторм улегся, но волны продолжали плавно вздыматься. Место катастрофы отдалялось. Зрение отказывало, перед глазами стояла пелена. Рассчитывать на помощь не приходилось. Ни в одной стране мира моряки не бросают своих, но сегодня они физически не могли помочь. Шлюпка дрейфовала не в одиночестве – трупы и обломки разбросало повсюду. Берег почти не приближался.

– Спасибо, приятель... – выдавил из себя Галлахер.

– Все в порядке, дружище... Я ничего не сделал... Лежи, набирайся сил...

Он повернулся к девушке. Нина скорчилась в позе зародыша, поджала локти под живот. Ее глаза были открыты наполовину. Девушка мелко дрожала. Павел обнял ее, погла-

дил по голове.

– Нин, ты как?

– Я здесь, Павлуша... – она едва шевелила губами, смотрела в одну точку. – Полежу немного, все хорошо будет...

Он оставил ее в покое – помочь все равно было нечем. Быстрее бы добраться до берега, найти возможность развести костер...

– Эй, приятель, как тебя зовут? – прошептал Галлахер.

– Павел. Если по-вашему, то Пол.

– Понятно... А я Ларри. Родом из Кардиффа. Потом жил в Дувре, там у меня родители... Ты русский?

– Есть грех, дружище.

– Всякое бывает, – Галлахер затрясся в беззвучном смехе. – Это твоя подруга?

– Это моя коллега... по дипломатической службе... Ты уверен, что перед нами Норвегия?

– Парень, посмотри на карту, здесь нет ничего, кроме Норвегии.

– Хорошо, Ларри, при случае обязательно посмотрю.

Он откинул голову. Силы не спешили возвращаться. Перевернутая шлюпка мерно покачивалась. Три тела лежали рядом.

Обморок был долгим и черным, как ночь. Майор провалился в него, как в пропасть, время остановилось.

Очнулся, когда усилилась качка, и машинально ощупал свернувшуюся рядом девушку. Она не пошевелилась.

Донесся гул – в прибрежных водах рокотал прибой. Павел приподнялся. Картинка в глазах стала четче. Шлюпка подходила к берегу. Он выплывал из сизой хмари – скалистый, изрезанный, заваленный белесыми камнями. Светлела полоска пляжа. На обрывах грудились хвойные деревья – невысокие, разлапистые. До берега оставалось не больше кабельтова.

– Скоро доберемся, Пол, – прошептал Галлахер. – На берегу вроде нет никого.

Нина все еще не шевелилась. Павел потряс ее. Девушка не реагировала. Дыхание сперло в горле. Он встал на колени, осторожно перевернул Нину на спину. Глаза у девушки были закрыты, лицо отливало страшной синью. Скулы обострились, рот был приоткрыт. Майор похолодел. Он тряс ее за плечи, прикладывал ухо к груди, зачем-то начал делать искусственное дыхание рот в рот. Сердцебиение отсутствовало, пульс не прощупывался. Нина Ивановна была холодна, как лед. Но Павел не оставлял попыток: мял ей грудную клетку, пытаясь завести сердце, упрашивал очнуться. Галлахер привстал, подтянул под себя ноги и стал мрачно смотреть на его потуги.

– Пол, прекращай, девушка мертва. Сердце остановилось от переохладения.

Но почему? Остальные ведь живы! Девушка не дышала, и он не знал, как вернуть ее к жизни. У него отнялись конечности, он лежал на перегибе днища и потрясенно смотрел в мертвое лицо.

За что ей такое? Потеряла родителей, дочь. С дальней родней Нина виделась редко, они только обменивались письмами. Часто смотрела на фотографию девочки с косичками и украдкой плакала...

Качка усилилась, шлюпка входила в полосу прибоя. До берега оставалось 70 метров. Волны подросли, со шлепками они разбивались о камни. По курсу все так же светлела полоска пляжа – хорошо, что вынесло не на камни.

Бороться со стихией не было смысла. Мощная волна захлестнула и перевернула шлюпку, она ударилась о подводные камни. Заскрежетало дерево, шлюпка окончательно развалилась. Мужчины оказались в воде. Галлахер вскричал – его едва не накрыло обломками конструкции. Павел бросился спасать парня, но тот уже вынырнул с выпученными глазами. Из рассеченного виска текла кровь. Но под ногами было дно! Воды – по пояс!

Ноги подкашивались. Павел держался за какие-то доски, приходил в себя. Нина оказалась рядом, он схватил ее под мышки и прижал к себе. Голова девушки безжизненно свесилась. Он целовал ее омертвевшее лицо и чувствовал, как сходит с ума. Потом перехватил поудобнее, стал вытаскивать на берег. Галлахер шел сзади, пытаясь вразумить своего приятеля, потом догнал, помог нести. Они вынесли тело на берег, пристроили на сухое место и рухнули сами.

Ночь продолжалась. Угрюмые тучи плыли над головой. Утробно рокотал прибой, волны с шипением выносились на

пляж. Конечности начинали подмерзать.

Мертвое тело мужчины дотащили до обрыва, положили его в трещину, а лицо накрыли капюшоном. Павел ползал на коленях, сгребая камни. Бугорок получился маленький, но больше и не требовалось...

Товарищи по несчастью привалились к глиняному откосу и безучастно смотрели, как на берег выносятся упругие волны. На душе было пусто, голова не работала. Пока еще не было возможности оценить масштаб случившейся катастрофы.

– Норвегия, говоришь...

Слова, как колючие ежи, выбирались из горла. Не за горами двустороннее воспаление легких, если не что похуже.

– Норвегия, Пол, – подтвердил Галлахер. – А вот в каком месте этой чертовой Норвегии мы находимся, даже не спрашивай.

В отличие от Швеции, сохранившей нейтралитет, в Норвегии господствовали фашисты. Германия оккупировала страну в далеком 40-м году. Соппротивление длилось два месяца, потом прекратилось. Норвежская рабочая партия, находившаяся у власти с 33-го года, строго соблюдала «пацифизм». В это время на территории страны находились 13 немецких дивизий, значительные силы авиации и флота, что позволяло контролировать не только страну, но и всю береговую полосу.

– Куда пойдём, товарищ Ларри?

– Не знаю, сэр Пол. Надо подождать, вдруг еще кто-нибудь выжил. Не может такого быть, чтобы выжили только мы с тобой.

– Хорошо, давай ждать. Но не забывай, Ларри, еще немного, и мы околеем от холода, и пневмония – это лучшее, что нам светит.

Карта Северной Европы проплыла перед глазами. Норвежская береговая полоса – длинная, полторы тысячи километров. Далее – Северное море, где шныряют немецкие суда и подводные лодки. На юге – нейтральная Швеция, наводненная фашистскими агентами, огромный кусок Балтийского моря, Польша, Германия, Голландия, и, что характерно, везде стоят германские войска и шныряют немецкие суда и подлодки. Союзники по антигитлеровской коалиции тоже не подарок, особенно если попасть к ним без документов и внятной легенды. Да и где эти союзники? Сидят по своим странам, обещают открыть второй фронт и все никак не открывают. Возвращаться в Советский Союз? Каким, интересно, образом? Отыскать лодку, выйти в море и ждать попутное судно, чтобы добраться до Мурманска? Немецкая береговая охрана от хохота сдохнет.

– Ты прав, Пол, надо идти, – обреченно промолвил Галлахер. – Бессмысленно ждать у моря погоды. К тому же можем наткнуться на германские патрули. Доберемся до ближайшей деревни, попросим сухую одежду, согреемся. В конце концов, немецкий плен не самое худшее, что нас ждет, –

подытожил Ларри.

– Шутишь? – вспыхнул Романов. – Что может быть хуже немецкого плена? Люди там мрут миллионами от голода, холода, тифа! Что может быть позорнее? Ты просто не знаешь, Ларри, что происходит с нашими пленными! Лучше уж покончить с собой, если нет другого выхода.

– Ну не знаю... – засомневался Ларри. – Я слышал, ваш Сталин не подписал Женевскую конвенцию 29-го года касательно обращения с военнопленными. Никто не мешал ему это сделать, но он отказался. Так чего же вы хотите? Насколько я знаю, пленные англичане и французы содержатся в сносных условиях.

Павел промолчал. Огульный патриотизм и восхваление всего советского – просто глупо. В царской армии плен не считался преступлением, пленных почитали за мучеников, им сохраняли звания, награды, денежное довольствие. Пребывание в плену входило в срок службы. Но большевики отказались соблюдать Гаагскую конвенцию 1907 года, и в результате 18 тысяч красноармейцев, попавших в плен во время советско-польской войны, умерли в польских лагерях. Советское правительство о них и не вспомнило, хотя имелись все шансы вернуть бойцов на родину. Работу Гаагской конвенции назвали образцом лицемерия западной дипломатии. Сдача в плен в Советском Союзе приравнивалась к преступлению. Никого не волновало, что тебя контузило, кончились боеприпасы и даже нечем покончить с собой. Защи-

щать права своих пленных советское правительство отказывалось решительно. Их содержали в нечеловеческих условиях, они гибли сотнями тысяч, и до них никому не было дела.

– Сдавайся, если хочешь, – вздохнул Павел. – А я все же побегаю. Глядишь, что-нибудь выгорит.

План отсутствовал. Все, что овладело разумом, – гибель членов группы и невозможность выполнить задание. Да и не было резона составлять планы. Все закончилось быстро и плачевно.

Они прошли вдоль обрыва, забрались по уступам наверх и устремились по жухлой траве к молодому леску. Добежали до косогора, и тут прозвучал резкий окрик:

– *Хальт!*

Из-за деревьев выступили несколько человек. Свет фонаря ужалил глаза. Павел зажмурился, но успел различить ненавистную форму и приставленный к бедру автомат МР-40. Оба встали как вкопанные. Ларри непроизвольно попятился – страху не прикажешь. Прогремела предупредительная очередь. Паренек не разобрался, пустился наутек. Пролаяла вторая очередь – теперь на поражение. Ларри повалился, взмахнув руками, по спине расплылись кровавые разводы. Один из немцев что-то насмешливо бросил, остальные засмеялись.

– Ко мне! – прозвучала команда.

Павел стоял неподвижно, мрачно разглядывая собственные ноги. Автоматчик выстрелил, майор не реагировал. Под-

нять руки, сдать в плен? Это самое позорное, что можно представить на войне. Но как же, черт возьми, хотелось жить!

Это были солдаты береговой охраны. Им сообщили о побоище в морских водах и приказали выставить дозоры на случай, если море кого-нибудь вынесет. Вот и дождались.

Вразвалку подошли двое – хорошо утепленные, обвешанные оружием, явно не голодающие и никогда не бывавшие на Восточном фронте (иначе не вели бы себя так самоуверенно).

– Руки за голову! – прорычал солдат. – Ноги расставить!

Майор, поколебавшись, выполнил приказ. В живот уткнулся ствол, и он охнул от боли. Солдаты снова засмеялись – вот весельчаки! Почему везде они? Куда судьба ни кинет – повсюду эти ненавистные мундиры.

В голове возникли укоризненные глаза Нины Ушаковой. Ярость ударила в голову. Он наподдал ногой по стволу автомата, сверху вниз, со всей силы. Оружие выпало из рук немца, а в следующее мгновение солдат получил в зубы и отпрянул, схватившись за челюсть. Остальные оторопели от такого «неподобающего» поведения. Сил на второй пинок не осталось. На майора набросились втроем, сбили его с ног, стали топтать. Солдаты что-то злобно выкрикивали, наращивали силу ударов. Искры сыпались из глаз, сознание балансировало на ниточке. Павел закрыл голову руками и свернулся в позе эмбриона. Его били по плечам, по почкам, отдельные

удары прилетали в голову. Все труднее было сохранять сознание, но он держался, мысленно зачитывал детскую считалку. Заключительный удар был самым жестоким – словно череп раскололся. Но он молчал, стиснув зубы.

«Не могут они знать, что я русский. Одет в штатское, в карманах – никаких документов, только отсыревшая пачка английских сигарет... Впрочем, разницы нет, все равно сейчас убьют».

Солдаты отошли, и он со стоном перевернулся на спину. Русский мат застрял в горле, белый свет не увидел. Солдат, стоявший прямо над душой, передернул затвор. «Ну вот и все. Умираешь на чужбине, товарищ майор. Никто не найдет твой труп, и навсегда ты останешься пропавшим без вести», – подумал Павел.

Но что-то пошло «не так». Подошел еще один военный – видимо, младший командир – и злобно каркнул: «Оставить его!» Разочарованный солдат опустил автомат. Павла больше не били. Его безвольное тело подхватили под мышки и потащили. Ноги волоклись по кочкам и корягам – солдаты не церемонились. Боль прошла. Сознание постепенно уплывало и в какой-то момент закатилось окончательно, как ясно солнышко.

Глава 3

Память об этой ночи сохранилась частично.

Пленника не убили, хотя имели все основания. Видимо, в Европе солдаты вермахта не отличались такой свирепостью, как в Советском Союзе.

Сознание отчасти вернулось, когда Романова грузили в машину. Над солдатом, получившим в челюсть, потешались, советовали держаться подальше от полумертвых английских моряков. В сознании блеснуло: «Вот именно. Именно от английских и никаких других. Рановато еще умирать, товарищ майор, ты можешь принести пользу своей Отчизне. И не вздумай издать хоть один звук по-русски!» С этого момента он только мычал и вяло бормотал бессвязные английские слова. Он катался по полу в трясущемся кузове, а солдаты играли им в футбол, пока их действия не пресек все тот же строгий унтер-офицер. Настигло обширное беспомыслие, потом стал терзать кашель.

Смутно вспоминалось натопленное деревянное помещение, где он валялся в окружении стонущих людей. Он стащил с себя сырую одежду, забросил на дощатую балку. Сердобольные люди укрыли его сухой мешковиной, под которой он трясся, а потом уснул. Организм выдержал, все ограничилось кашлем и проблемами с горлом – он с трудом произносил слова, звуки искажались, он не узнавал свой голос. В те

кущей ситуации это выглядело плюсом. После третьего пробуждения майор натянул на себя подсохшую одежду и снова провалился в беспамятство. Кто-то совал ему еду в эмалированной миске. Павел машинально жевал пересоленную кашу, потом давился чуть подкрашенной водичкой, отдававшей тиной.

Он находился в утепленном дощатом бараке, здесь было много соломы и тюфяков. Валялись люди – одни кашляли, другие вели беседы. Размытые силуэты блуждали по бараку. За пределами узилища звучала немецкая речь, лаяли овчарки. Это был пункт временного содержания арестованных – кого именно и для чего, оставалось неясным. В бараке говорили по-норвежски – язык был незнаком, непривычен для уха. Из хмари выплывали серые лица – небритые, мучнистые, с безжизненными глазами.

В Норвегии сопротивление нацистам было не столь активно, как в СССР, но все же народ противился оккупации – действовало подполье, вооруженные группы. Периодически фашисты отлавливали и уничтожали местных патриотов, а самых здоровых отправляли в концлагеря в качестве дармовой рабочей силы. Покойный Ларри Галлахер был в чем-то прав – арестантов содержали не в самых скотских условиях. Издевались нечасто, иногда кормили, дважды в день выводили в отхожее место – оно располагалось здесь же, помещения связывал закрытый коридор. Нужник был примитивный, представлял собой отверстия в полу, отгороженные

хлипкими стенками.

На третий день Павел окончательно пришел в чувство, но не подавал вида, передвигался, как парализованный. Он ни с кем не общался, а если к нему обращались, строил глупое лицо и отделялся бессвязным лепетом.

Однажды в барак вошли военные. Они поблуждали по помещению, потом кого-то вывели, при этом несчастный не хотел идти, сопротивлялся. Забросили в барак двух избитых мужчин, они доковыляли до свободного места и рухнули без сил. Бедолаг рвало кровью, они задыхались.

Объявился офицер в щеголеватой шинели. Медленно, словно смакуя процесс, он прошелся по бараку, постукивая по бедру палочкой, и впивался цепким взглядом в арестантов. На фуражке поблескивал зловещий символ СС «мертвая голова», а в петлицах красовались готические руны. Майора советской контрразведки он также удостоил взгляда, но задерживаться не стал.

Линия поведения пока не выстраивалась, да и есть ли в ней смысл, если в любую минуту могут расстрелять? Но надо выжить – это Павел решил твердо. От его смерти в этом мире ничего не изменится, а принести пользу он еще мог.

В какой-то момент появился говорливый сосед – нервный мужик в рваной безрукавке. Он постоянно чесался и обладал подвижной мимикой. Мужчина бегло говорил, глотая слова, и подмигивал глазом, изуродованным белесым шрамом. Павел пожимал плечами и объяснял знаками, что не

понимает норвежскую речь. «Руссиск?» – принялся гадать на кофейной гуще субъект. Павел решительно помотал головой. «Франск? Недерланск? Поласк?» – выдвигал новые версии сосед. Очевидно, он был полиглотом. «Инглиш, – с наругой выдавил майор. – Ай эм эн инглишмен, андерстэнд?» Субъект нездорово возбудился, продолжил частить по-норвежски, похлопал майора по плечу. Полиглотом он все же не был, а вот информатором германских спецслужб – наверняка. Потом он затейливо растворился в пространстве и больше не возникал. За майором же пришли через пару часов, подняли, погнали к выходу. Сопротивляться было бессмысленно, и в любом случае требовалась определенность.

Поблизости от барака находился населенный пункт – однотипные строения с двускатными крышами и заброшенный промышленный объект за бетонным забором. В воздухе ощущалась близость моря. Сильный ветер теребил чахлая растительность. Уступами вздымались величавые холмы. Зрелище было красивым, и в иной ситуации Павел не упустил бы возможность полюбоваться природой. От свежего воздуха разболелась голова, стали заплетаться ноги. С поводка рвалась свирепая овчарка, ухмылялся упитанный обер-ефрейтор.

Допрос проходил в одноэтажной избе. Доставленного арестанта внимательно разглядывал немецкий офицер с насмешливыми глазами. Перед ним лежал пустой бланк. Владелец униформы гауптштурмфюрера задумчиво посту-

кивал карандашом по столешнице. Особой кровожадностью этот тип не отличался, представился по-немецки – Абель Гопплер, – озвучил свое звание, предложил присесть. Табуретка в комнате для допросов была с «секретом» – в центре сиденья выступал нестесанный сучок, чтобы заключенные не расслаблялись. Сидеть было неудобно, хотелось встать. Заключенный выглядел вялым, потухшим, говорил с трудом, болезненно сглатывая после каждого слова. Играть умственно заторможенного было несложно, он таковым и являлся.

Гауптштурмфюрер начал издалека: посетовал на ухудшение погоды, поинтересовался, нет ли у заключенного претензий к условиям содержания, не желает ли он выразить просьбу. Уместным ответом был бы смех, но Павел пожал плечами, пробормотал, что по-немецки не понимает и что он член экипажа британского судна и знает только английский язык.

– Ну, хорошо, – сухо улыбнулся Гопплер, переходя на язык короля Георга и премьер-министра Черчилля. – Английский так английский, – и повторил то, что было сказано ранее.

– Спасибо, меня все устраивает, – слабым голосом отозвался Павел. – Если можно, не возражал бы покурить...

– Извольте, мистер, – вместо удара в челюсть Гопплер извлек пачку немецких сигарет, дождался, пока трясущиеся пальцы извлекут сигарету, и щелкнул зажигалкой.

Крепкий табак скрутил горло, майор надрывно кашлял, но продолжал курить. В глазах офицера заблестела ирония.

– Вы хорошо говорите по-английски, господин офицер, – похвалил Романов. – Жили в наших краях?

– Нет, не жил, – отрезал ариец. – Расскажите о себе: кто вы, как оказались на британском судне, откуда и куда направлялись?

– Конечно, в этом нет ничего секретного, господин офицер. Но заранее прошу прощения, мне трудно говорить...

Первый экзамен он сдал. Сначала Гопплер слушал с интересом, потом рассказ заключенного начал утомлять, стало скучно.

– Хорошо, – перебил он. – Итак, я правильно вас понял? Вас зовут Джон Кирби, вы родом из Портсмута. Тридцать четыре года, моряк торгового флота его королевского величества, звание уоррент-офицер, то есть старший мичман. Возвращались на «Глазго» из Мурманска, куда доставили груз. Я не ошибся?

– Да, все правильно, господин офицер. Мы подверглись внезапному нападению. Думаю, это была подводная лодка.

– Почему я должен вам верить? При вас не оказалось никаких документов.

– А почему вы не должны мне верить? – недоумевал Павел. – На затонувшем судне весь экипаж состоял из британцев, больше там никого не было. Документы остались в каюте, у нас не было времени за ними возвращаться – судно стремительно тонуло.

– Какой груз вы доставили в Мурманск?

Павел старательно перечислил: продовольствие, армейская обувь, современные средства радиоэлектронной связи, металлорежущее оборудование... Другого он не знал – «недоофицеру» на судне много знать не положено. А что перевозили «Вестминстер» и «Хэмилтон» – он и вовсе без понятия. Но на крейсер в порту Мурманска после окончания разгрузки что-то доставили – небольшой опечатанный груз весом не больше тонны. Люди шептались, что это золото, которым расплачивается за поставки с Запада советское правительство. Лукавить в этом вопросе Павел не стал. Его слова нуждались в убедительном доверке. Если крейсер ушел, это не имело значения – весь мир знал, что помощь не бесплатная. Если крейсер затонул, немцы все равно золото не поднимут. Гопплер едва заметно поморщился, из чего явствовало, что крейсер все-таки ушел.

– Можно задать вопрос, господин офицер? Что стало с судами нашего конвоя? Вы должны понимать, там находились мои товарищи...

– Вашим товарищам сложно позавидовать, – сухо отозвался эсэсовец. – Вам об этом знать не положено. Можете считать себя единственным выжившим счастливым.

Офицер лукавил, он не был талантливый лицедеем.

– Что у вас с голосом?

– Не знаю, мне трудно говорить. Я несколько часов провел в море, потом долго носил сырую одежду.

– Хм, вам повезло, мистер Кирби, у вас отменное здоро-

вье.

Офицер сидел совсем рядом, карандаш поскрипывал. Павел мог на него наброситься, впечатать лбом в столешницу, завладеть пистолетом, перестрелять охрану... и героически умереть, не выполнив своего предназначения. Впрочем, кто теперь скажет, какое у него предназначение?

Гопплер продолжал задавать вопросы. Фамилия командира корабля, фамилии и звания начальников конвоя, какое вооружение он видел в Мурманске, чем живет прифронт-овой город... Ответы снимались с потолка, сомнительно, что немцы могли их проверить.

– Почему вы ударили нашего солдата?

– Это был сиюминутный порыв, герр офицер, – Романов напустил на себя кающийся вид. – Ваши солдаты застрелили моего товарища, который помог мне выбраться с тонущего судна. Его звали Ларри Галлахер, это был молодой парень, даже не военный, у него осталась невеста в Дувре. Как бы поступили вы на моем месте, господин офицер?

– Лично я бы приложил все усилия, чтобы не оказаться на вашем месте, – отрезал Гопплер. – Под обрывом, в том месте, где вас вынесло из моря, обнаружено тело молодой женщины. Она умерла от переохлаждения, не так ли? Вы прибыли не вдвоем, а втроем, но кому-то не повезло. Кто же эта прекрасная незнакомка?

Желание разбить лоб эсэсовца об столешницу стало нестерпимым.

– Эта женщина была радисткой, работала в радиорубке, и у нее были романтические отношения с капитаном Макмилланом. Ее имя – Элизабет, фамилия, если не ошибаюсь, Райли... Да, она выжила, мы с Ларри помогли ей забраться на перевернутую шлюпку, но на промозглом ветру пришлось провести больше часа, сердце Элизабет не выдержало.

Он отдавал себе отчет: можно обмануть одного эсэсовца, можно – еще парочку. Если повезет, то кого-то из узников – естественно, тех, кто не имел отношения к королевству. Но эта веревочка не будет виться долго. Его разоблачат, что никакой он не британец, обитателю Туманного Альбиона это будет ясно с первого взгляда. Но майор не собирался сдаваться.

Эсэсовский офицер потерял интерес. Он вызвал охрану, и заключенного увели и снова швырнули в барак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.